

Беляев А. Д. Современное состояние вопроса о значении расовых особенностей семитов, хамитов и иафетитов в деле религиозного развития этих трех групп народов. [Христианско-теистическая точка зрения на исследуемый нами предмет в ее противоположности пантеистическому воззрению.] // Прибавления к Творениям св. Отцов 1881. Ч. 27. Кн. 1. С. 175–204 (1-я пагин.).
(Продолжение.)

Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ. Хамитовъ и Іафетитовъ въ дѣлѣ религіознаго развитія этихъ трехъ группъ народовъ.

Христіанско-теистическая точка зрѣнія на изслѣдуемый нами предметъ въ ея противоположности пантеистическому во зрѣнію.

Всѣ мнѣнія о разсматриваемомъ нами предметѣ въ основаніи своемъ могутъ быть сведены къ двумъ противоположнымъ и борющимся другъ противъ друга мірссозерцаніямъ — пантеистическому и христіанско-теистическому. Главнѣйшій представитель пантеистическаго воззрѣнія на этотъ предметъ есть Ренанъ. Разбирая этого писателя, мы тѣмъ самымъ подвергли критикѣ пантеистическую точку зрѣнія на вопросъ, разсматриваемый въ нашемъ трудѣ. Результатъ нашей критики Ренана былъ тотъ, что его пантеистическое воззрѣніе на занимающій насъ вопросъ оказывается малопрігоднымъ для разрѣшенія трудностей сего послѣдняго, вноситъ противорѣчія и путаницу въ науку. Это уже свидѣтельствуетъ о лживости пантеистическаго воззрѣнія на міръ вообще или по крайней мѣрѣ о томъ, что оно непригодно къ правильному

рѣшенію вопросовъ изъ области антропологии и религіи.

Пришедши такимъ образомъ къ убѣжденію въ научной несостоятельности пантеистическаго воззрѣнія на нашъ предметъ, мы естественно должны теперь обратиться къ такимъ опытамъ рѣшенія нашего вопроса, въ основаніи которыхъ лежитъ христіанско-теистическое воззрѣніе. Опыты эти мы находимъ въ сочиненіяхъ Грау, Рѣнтша, отчасти Гобино; всѣ относящіяся сюда сочиненія этихъ писателей мы уже цитировали. Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ опытовъ, мы считаемъ нужнымъ выяснить отношеніе между пантеистическимъ и христіанско-теистическимъ воззрѣніемъ на обсуждаемый въ нашемъ сочиненіи предметъ. Такое выясненіе полезно для нашего изслѣдованія прежде всего со стороны формальной, такъ какъ оно служитъ посредствующимъ звеномъ между предъидущимъ и послѣдующими отдѣлами труда. Но особенно важно это выясненіе тѣмъ, что оно даетъ намъ возможность открыть и опредѣлить общія характерныя черты тѣхъ опытовъ рѣшенія нашего вопроса, разсмотрѣніе которыхъ послужитъ предметомъ послѣдующихъ главъ сочиненія. и поэтому будетъ имѣть для послѣднихъ значеніе введенія.

Отношеніе между пантеистическимъ и христіанско-теистическимъ воззрѣніями на разсматриваемый нами предметъ есть отношеніе противоположности. Противоположность ихъ другъ другу открывается прежде всего въ капитальномъ вопросѣ о томъ, какія были причины, которыя породили первоначальныя отличительныя особенности, послужившія съ теченіемъ времени основаніемъ для раздѣленія единого человѣчества на расы, единой первобытной религіи на многія религіи. По мнѣнію Ренана, какъ мы видѣли, эти

причины заключаются во вліянїи внѣшней природы на человѣка и въ природныхъ задаткахъ его — физическихъ и психическихъ, при чемъ онъ духовно-нравственнымъ основамъ характера придаетъ небольшое значеніе; потому что онъ напр. отрицаетъ присутствіе нравственнаго элемента въ первоначальныхъ религіяхъ Арійцевъ, т. е. въ такой сферѣ духовной жизни человѣка, къ которой нравственность примыкаетъ всего ближе. Грау, напротивъ, утверждаетъ,¹⁾ что отличительныя особенности народовъ въ языкахъ, нравахъ и вообще всей культурѣ постепенно произошли изъ религіозно-нравственныхъ началъ, говоритъ, что это есть основное воззрѣніе книги Бытія, которое все болѣе подтверждается наукой. Въ этой книгѣ, говоритъ онъ, повѣствуется о двухъ событіяхъ, когорыя произвели раздѣленіе народовъ. Въ 9-й главѣ, повѣствующей о дурномъ поступкѣ Хама и о благородномъ поступкѣ Сима и Іафета по отношенію къ ихъ отцу, причина раздѣленія народовъ полагается въ нравственной сторонѣ человѣка. Въ 11-й главѣ той же книги причина раздѣленія народовъ относится къ противорелигіозному, безбожному предпріятію строителей Вавилонской башни. Но оба эти событія только дополняютъ одно другое: между тѣмъ какъ Хамъ смѣется надъ отцомъ, смѣется онъ и надъ Богомъ его, и между тѣмъ какъ народы раздѣляются при столпотвореніи въ религіозныхъ своихъ воззрѣніяхъ, начинаютъ они различаться и по нравственности.

Одинаковаго съ нимъ взгляда на этотъ предметъ держится и Рѳнтшъ. Сказавши о томъ, что въ нравственномъ мірѣ существуютъ такіе же законы, какъ и въ физическомъ, и что они составляютъ основаніе

¹⁾ Semiten und Indogermanen in Zeitschrift Beweis des Glaubens. s. 356.

развитія жизни народовъ, ихъ исторіи, онъ признаетъ, съ этой точки зрѣнія, пророчество Ноя о судьбѣ его сыновей и ихъ потомства, основаніемъ для котораго (пророчества) служилъ нравственный характеръ ихъ, однимъ изъ самыхъ широко-объемлющихъ пророчествъ В. Завѣта, считаетъ его какъ бы рамкой для всемірной исторіи. Изъ 9 гл. Бытія, говоритъ Рѳнштъ, мы выносимъ два основныя правила: 1) есть законъ праведнаго возмездія; 2) при оцѣнкѣ исторической роли народовъ имѣетъ значеніе нравственный масштабъ. Что основаніемъ для рѣшенія судьбы и историческаго значенія народовъ въ пророчествѣ Ноя служитъ событіе, заключенное въ узкихъ предѣлахъ домашней жизни, этому нечего удивляться, потому что основаніе народнои жизни лежитъ въ домашней ¹⁾). Не должна также здѣсь удивлять насъ незначительность событія въ сравненіи съ его громадными послѣдствіями, потому что въ первоначальное время, соотвѣтственно степени развитія, великія и важныя событія связываются съ дѣйствіями мелкими, случайными. Въ тогдашнихъ не широкихъ отношеніяхъ дѣйствовали тѣ же духовныя силы, какъ и въ теперешнихъ количественно бѣльшихъ, и поэтому въ своемъ проявленіи бѣлье широкихъ, отношеніяхъ. Затѣмъ Рѳнштъ указываетъ на историческія событія, въ которыхъ видно исполненіе пророчества Ноя. Рѳнштъ такимъ образомъ историческую судьбу народовъ поставляетъ въ зависимость отъ ихъ нравственнаго характера. Но такъ какъ исторія народа, несомнѣнно, есть продуктъ

¹⁾ „Начало величайшихъ событій, которыя въ послѣдствіи были столько важны для цѣлаго человѣчества, мы находимъ по большей части скрытыми въ тѣни частной жизни, среди не многихъ лицъ, въ домашнемъ кругу. Провидѣніе prepares и устрояетъ свои важнѣйшія дѣла какъ будто нарочно втайнѣ, сокровенно.“ Такъ начинается свои академическія лекціи по Евангельской исторіи А. В. Горскій. См. журналъ Творенія Св. Огдєвъ 1880 г. кн. 1. стр. 65.

характера народа вообще, то Рёнтшъ, очевидно, признаетъ, что нравственность народа имѣетъ большое вліяніе на образованіе общаго характера его.

Еще яснѣе и рѣзче выступаетъ противоположность пантеистическаго и христіанско-теистическаго воззрѣнія на нашъ вопросъ при сравненіи сочиненій Грау, касающихся этого вопроса, съ сочиненіями Ренана. Такъ какъ это сравненіе даетъ намъ возможность правильно понимать сочиненія Грау и тотъ способъ, какимъ онъ рѣшаетъ изслѣдуемый нами вопросъ, и покажетъ намъ, въ какой зависимости стоялъ этотъ писатель отъ Ренана, то мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ сравненіи.

Грау характеризуетъ Семитовъ и Арійцевъ почти одними и тѣми же чертами, что и Ренанъ. Заимствованіе перваго у послѣдняго, особенно въ томъ, что касается фактической стороны дѣла, бросается въ глаза. Съ этой стороны разница между ними только та, что Грау развиваетъ то, что у Ренана сказано кратко, пополняетъ его въ мелочахъ и подробностяхъ. Все же существенное онъ заимствуетъ у Ренана. Мы укажемъ нѣкоторые примѣры сходства того и другаго писателя.

Какъ Ренанъ главное вниманіе обращаетъ на Семитовъ, а Іафетитовъ характеризуетъ только для того, чтобы ярче выставить нѣкоторыя черты Семитовъ, такъ и у Грау на первомъ планѣ стоятъ Семиты, а Іафетиты приводятся только въ параллель съ ними и характеръ ихъ не разсматривается самостоятельно. Какъ Ренанъ, такъ и Грау одинаково не приписываютъ никакого значенія Семитамъ въ искусствахъ, наукѣ, торговлѣ, промышленности и вообще въ свѣтской культурѣ и оба соглашаются, что во всемъ этомъ Іафетиты превосходятъ Семитовъ. Оба они отдаютъ Семитамъ преимущество предъ Іа-

фетитами въ религіи. Мало того, Грау сходится съ Ренаномъ даже во многихъ мелкихъ подробностяхъ, перечисленіе которыхъ заставило бы насъ повторить почти всю его характеристику Семитизма и Іафетизма. Кратко можно сказать: Грау подражаетъ Ренану во всемъ, касающемся фактической стороны характеристики Семитовъ и Іафетитовъ. Впрочемъ и нельзя слишкомъ обвинять Грау за подобныя заимствованія, какъ это дѣлаетъ Рѳнтшъ; потому что, какъ мы замѣтили выше, съ фактической стороны Ренанова характеристика Семитовъ и частію Арійцевъ довольно вѣрна.

И такъ мы установили фактъ, что Грау подражаетъ Ренану. Не покажется ли послѣ этого страннымъ то, что Грау въ то же время полемизируетъ противъ Ренана! Полемика предполагаетъ различіе въ мнѣніяхъ. Въ чемъ же Грау отличается отъ Ренана во взглядѣ на Семитовъ и Іафетитовъ? Именно въ томъ, что первый держится христіанско-теистическаго воззрѣнія, а второй — пантеистическаго; первый защищаетъ христіанство, а послѣдній возстаетъ противъ него. Задача сочиненій Грау, касающихся нашего вопроса, есть аналогія христіанства съ антропологической и философской точки зрѣнія противъ тѣхъ современныхъ мыслителей, міросозерцаніе которыхъ ясно выразилось въ сочиненіяхъ Штрауса и Ренана и которые съ точки зрѣнія или антропологии (Ренанъ), или догматико-философіи (Штраусъ) доказываютъ, что христіанство, какъ религія, происходящая отъ расы Семитической, низшей сравнительно съ Арійской расой, пригодно было для послѣдней только на низшихъ ступеняхъ ея развитія, а теперь мало или вовсе не имѣетъ для нея значенія и должно быть замѣнено религіей гуманизма, наукой, искусствомъ и философіей, къ которымъ Арій-

цы имѣютъ наклонность и способность. Имѣя въ виду такихъ порицателей христіанства, Грау доказываетъ, что религія выше всего и что свѣтская культура почерпаетъ свои принципы, силу и освященіе изъ религіи, а безъ нея она должна пасть и все человечество истлѣть. Хотя и Ренанъ Семитамъ, а слѣдовательно ихъ религіи, — такъ какъ они только въ ней и велики, — приписываетъ цѣлую половину интеллектуальнаго прогресса въ мірѣ; однако въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ науку, гуманизмъ и философію ставитъ выше религіи вообще и въ частности выше семитической по происхожденію религіи—христіанства.

Изъ этой то противоположности пanteистическаго и христіанско-теистическаго міросозерцанія и объясняется громадное различіе между взглядами Ренана и Грау на Семитовъ и Іафетитовъ, различіе той окраски и значенія, которыя оба писателя придаютъ однимъ и тѣмъ же чертамъ въ характерѣ обѣихъ расъ. Такъ какъ Грау поставляетъ религію выше свѣтской культуры, то Семиты, которые славны только въ религіи, на столько, по его мнѣнію, выше Іафетитовъ, которые преимущественное вниманіе обращаютъ на міръ, на сколько Богъ выше міра. Ренанъ, напротивъ, безмѣрно возвышаетъ Іафетитовъ надъ Семитами, потому что онъ свѣтскую культуру ставитъ выше религіи. Между тѣмъ какъ Ренанъ видитъ низшее достоинство семитическихъ языковъ сравнительно съ арійскими въ ихъ простотѣ, неабстрактности и неспособности къ выраженію философскихъ понятій ¹⁾, Грау, всё измѣряя масштабомъ религіи, видитъ преимущество еврейскаго языка въ самой его простотѣ, безыскусственности и неспособности вы-

¹⁾ Histoire génér. et système comp. des langues Semit. p. 18.

ражать отвлеченныя понятія, такъ какъ будто-бы эти свойства дѣлають его особенно способнымъ для выраженія религіозныхъ чувствъ и мыслей. дѣлають его языкомъ не разсудка, а сердца; по мнѣнію Грау, еврейскій языкъ есть языкъ религіи и въ этомъ его превосходство предъ арійскими языками. Между тѣмъ какъ Ренанъ считаетъ недостаткомъ поэтическаго языка Семитовъ его однообразіе, Грау и въ этомъ, дѣйствительномъ недостаткѣ хочетъ указать достоинство: по его мнѣнію, монотонность параллелизма семитическаго стихотворнаго языка, уподобляясь равномерному біенію сердца и померемѣнному вдыханію и выдыханію воздуха грудью, звучить, какъ ничѣмъ незаглушаемый голосъ совѣсти, и подобна ударамъ отягченнаго виною сердца. ¹⁾ Ренанъ называетъ страннымъ зрѣлищемъ то, что Европа въ средніе вѣка, столько превосходящая Азію идеями поэтическими, нравственными и религіозными, вынуждаема была заимствовать большую часть предметовъ роскоши и изобрѣтенія у Китайцевъ. ²⁾ Грау, напротивъ, видитъ страшное Божіе наказаніе для Евреевъ въ томъ, что они, отказавшись быть носителями всемірной религіи, сдѣлались всемірными банкирами и торговцами,—переставши быть рабами Божіими, сдѣлались слугами маммона. ³⁾ Мы могли бы привести множество подобныхъ примѣровъ, если бы это было нужно. Изъ этой противоположности міросозерцаній, которыхъ держатся Ренанъ и Грау, объясняются и становятся для насъ замѣтными тѣ преувеличенія и неправильности, которыя оба они допускаютъ въ суж-

¹⁾ Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zu Relig. und Wissensch. S. 105—110

²⁾ Hist. génér. et syst. comp. des lang. Semit. p. 489.

³⁾ Это слово на пуническомъ языкѣ обозначало барышъ. См. Semiten und Indogermanen s. 60—1.

денія вообще о характерѣ Семитовъ и Іафетитовъ и особенно объ ихъ религіозно-нравственномъ характерѣ. Какъ Ренанъ, унижая религію и возвышая значеніе свѣтской культуры, пристрастно, а потому неправильно, судить и о характерѣ Семитовъ и Іафетитовъ, унижая первыхъ, возвышая вторыхъ; такъ и Грау, хотя и по другимъ совершенно побужденіямъ, не свободенъ отъ пристрастія и увлеченій. Характеръ Семитовъ въ отношеніи къ религіи является у него какимъ то идеальнымъ, безпорочнымъ. Онъ слишкомъ преувеличиваетъ религіозность Семитовъ, забывая о наклонности Евреевъ къ идолопоклонству, которая обнаруживалась почти постоянно, забывая о другихъ семитическихъ народахъ, которые почти всѣ были погружены въ самый грубый натурализмъ.

Послѣ того какъ мы выяснили направленіе, котораго держится Грау при разрѣшеніи нашего вопроса, мы можемъ перейти къ ближайшему разсмотрѣнію того, какъ онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ.

Изображеніе характера Семитовъ и Іафетитовъ въ связи съ характеромъ ихъ религіи, которое дѣлаетъ Грау. ¹⁾

Какое значеніе придаетъ Грау особенностямъ расы для образованія характера ея, это особенно ясно видно изъ его взгляда на происхожденіе монотеизма народа еврейскаго. Соглашаясь въ сущности съ М. Мюллеромъ и Рѳнтшемъ въ томъ, что израильскій монотеизмъ произошелъ чрезъ Божественное Откровеніе, сообщенное Аврааму, Грау далѣе говоритъ, что если остановиться на одномъ этомъ, чисто супра-

¹⁾ Эта характеристика помѣщается въ сочиненіи Грау: *Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zu Religion und Wissenschaft* и въ статьѣ его: *Semiten und Indogermanen*, помѣщенной въ редактурированомъ имъ журналѣ *Beweis des Glaubens*.

натуральномъ воззрѣніи, то вопросъ вовсе не будетъ рѣшенъ научно, какъ и при пантеистическомъ Рена-новомъ воззрѣніи на него. Въ воззрѣніи супранатуральномъ нѣтъ отвѣта на вопросъ: почему же именно Аврааму дано Божественное Откровеніе? Почему Израиль избранъ изъ всѣхъ народовъ земли? Нельзя же допустить, чтобы Богъ по произволу отъ вѣчности предопредѣлилъ всѣ народы къ политеизму и только одному мужу и одному народу предназначено имѣть вѣру въ единого истиннаго Бога. Такое одностороннее супранатуральное воззрѣніе съ одной стороны несогласно съ понятіемъ о свободѣ воли человѣка, съ другой стороны оно дѣлаетъ невозможнымъ научно-историческое разсмотрѣніе вопроса. Истина находится въ срединѣ между двумя крайностями: между „религіозными инстинктами“, которыми все религіозное развитіе объясняется чисто естественнымъ путемъ, и супранатуральнымъ детерминизмомъ, который разсматриваетъ ходъ исторіи механически. Нужно предположить въ Авраамѣ, въ Израилѣ какое нибудь свойство, послужившее мотивомъ для Божественнаго избранія ихъ; потому что избраніе Божіе есть не детерминистическій актъ Божественнаго всемогущества и необходимости, но актъ Божественнаго милосердія и благодати, въ которомъ и чрезъ который не уничтожается человѣческая свобода. Богъ избираетъ Израильскій народъ, какъ женихъ невѣсту, и такой выборъ ни уничтожаетъ свободы невѣсты, ни бываетъ безъ основанія и по произволу. Само Священное Писаніе далеко отъ указаннаго супранатуральнаго воззрѣнія. Иначе зачѣмъ бы оно стало придавать такой вѣсъ происхожденію Израиля отъ Сима? Какое бы значеніе, далѣе, имѣло Ноево благословеніе Сима? Нельзя же и его представлять себѣ, какъ нѣчто чисто супранатуральное, какъ неимѣю-

щее никакого отношенія къ характеру Сима и его потомства.

Установивши точку зрѣнія на значеніе характера расы для религіознаго развитія ея, Грау изображаетъ и общій характеръ трехъ расъ и характеръ ихъ религіи. Такъ какъ Хамиты стоятъ у него особнякомъ, а характеръ Семитовъ и Іафетитовъ изображается у него, какъ и у Ренана, вмѣстѣ, такъ сказать, параллельно; то и мы послѣдуемъ за нимъ въ изображеніи этихъ послѣднихъ расъ, а о Хамитахъ скажемъ послѣ. Такъ какъ, далѣе, Грау въ своей характеристикѣ Семитовъ и Іафетитовъ слишкомъ много заимствуетъ у Ренана, то мы, въ избѣжаніе повтореній, по возможности не будемъ говорить о томъ, что сказано было у Ренана и что нами уже изложено.

Назвавши вопросъ объ отношеніи Семитовъ и Іафетитовъ однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ нашего времени, Грау опредѣляетъ это отношеніе, какъ отношеніе противоположности. У Іафетитовъ, по его мнѣнію, процвѣтають науки, искусства, социальная и государственная жизнь, торговля, промышленность, однимъ словомъ всѣ вѣтви свѣтской культуры, такъ что Іафетиты въ настоящее время почти одни на всей землѣ держатъ знамя прогресса всего человѣческаго рода. Все это есть выраженіе той основной черты ихъ духа, что они преимущественно обращены къ міру, склонны изслѣдовать, познавать и обнимать разнообразіе жизни природы и творчески воспроизводить его въ созданіяхъ искусства,—есть выраженіе богатства, широты и разнообразія способностей и силъ ихъ духа. Совсѣмъ иной видъ представляютъ Семиты: они не отличились ни въ одной изъ отраслей свѣтской культуры, они совсѣмъ неспособны къ пластическому искусству, и религіозныя запрещенія въ этомъ случаѣ гармонировали съ ихъ природною наклонностію.

У Арабовъ пластика запрещена закономъ потому, что, по ихъ мнѣнію, человѣкъ не имѣетъ права подражать Богу въ творествѣхъ, а у Евреевъ — для предостереженія отъ политеизма. У Семитовъ нѣтъ ни драмы, ни эпоса, потому что у нихъ нѣтъ объективности, которая требуется для этихъ родовъ поэзіи; а для эпоса, кромѣ того у нихъ не достаетъ и содержанія, ибо у нихъ нѣтъ мифологіи, ихъ исторія есть исторія священная, въ которую человѣческая фантазія не вольна вносить свои вымыслы; даже въ лирикѣ, поэзіи по преимуществу субъективной, гармонизирующей съ субъективизмомъ Семитовъ, они превзошли Іафетитовъ только тамъ, гдѣ она соприкасается съ религіей и нравственностію, напр. въ псалмахъ. Науки для науки Семиты не знаютъ по своей субъективности; наука у нихъ служитъ религіи; принципъ и цѣль, начало и конецъ всякой мудрости есть страхъ Божій; мудрость состоитъ не въ знаніи, а въ благочестіи; Семитъ не спрашиваетъ о ближайшей причинѣ явленія, а все относитъ къ Богу: громъ напр., для него есть голосъ Божій; если Семитъ не понимаетъ извѣстнаго явленія, то въ непостижимости его онъ видитъ тѣмъ болѣе доказательство премудрости Божіей и не стыдится признаться въ своемъ незнаніи. Въмѣсто философіи у Семитовъ религія. У Семитовъ нѣтъ даже и богословія въ смыслѣ науки, а только откровеніе, которое принадлежитъ уму не человѣческому, а Божественному, и которое потому самому нельзя измѣнять и усовершеншать. У Семитовъ нѣтъ гражданской исторіи, а только священная: пророчество и исторія у нихъ сливаются. Также и при образованіи государства главнымъ дѣятелемъ является у нихъ религія: упадокъ ея сопровождается паденіемъ государства, усиленіе ея воздвигаетъ его. Арабы въ этомъ случаѣ составляютъ совершенную противоположность Римлянамъ: у по-

слѣднихъ религія служила цѣлямъ государства, а у первыхъ государство подчинялось религіи. Однимъ словомъ у Семитовъ все служитъ религіи. Она во всемъ ниже Іафетитовъ и только въ одномъ превосходятъ ихъ—въ религіи. Отъ чего это происходитъ?

Семить отличается субъективизмомъ. живостію и горячностію чувства. энергической стремительностію, напряженностію всѣхъ внутреннихъ способностей и упрямымъ, неотступнымъ преслѣдованіемъ предположенной цѣли. Куда же и къ чему направлено его стремленіе, куда онъ летитъ своими желаніями, въ чемъ онъ хочетъ успокоить и удовлетворить свое страстное чувство? Въ противоположность Арійцу, который сначала обращается къ міру и потомъ уже отъ міра переходитъ къ Богу, Семить своимъ сердцемъ сначала направляется къ Богу и отъ Него къ міру. Семить по преимуществу есть я и менѣе природа и потому онъ стремится сначала не къ безличной природѣ, а къ безконечному Я. Семить слишкомъ субъективенъ, чтобы его могъ удовлетворить великій объектъ—міръ; онъ чувствуетъ успокоеніе только въ одномъ объектѣ, который въ тоже время есть и субъектъ,—въ Богѣ. существѣ абсолютномъ и самодовольномъ. Къ Семитамъ и особенно къ Іудеямъ хорошо идутъ слова блаженнаго Августина: „Боже, Ты создалъ насъ для Себя, и наше сердце не пайдетъ покоя, пока оно не успокоится въ Тебѣ“. Одинъ Израильтянинъ неподражаемо высказать это томленіе духа по Богѣ въ псалмѣ 41, 2. 3. 6. *Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные: сие желаетъ душа моя къ Тебѣ Боже. Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому. Вскую прискорбна еси душе моя; и вскую смущаеши мя; уповай на Бога. А успокоеніе въ Богѣ хорошо выражено въ псалмѣ 22, 1.-2. Господь посетъ мя и ничто же мя лишитъ. На мѣсть злач-*

нѣ, тамо всели мя: на водѣ покойнѣ воспита мя. У Семита преобладаетъ сердце, чувство, любовь, поэтому онъ обращается къ безконечному Субъекту, который не только можетъ отвѣчать на его любовь, но и наполнять покоемъ его сердце, чего не могутъ сдѣлать субъекты ограниченные—люди; у него есть ревность по Богѣ (Рим. 10. 2). У Арійца, напротивъ, преобладаетъ умъ, фантазія; онъ хочетъ не чувствовать, а дѣйствовать, и избираетъ объектомъ своихъ дѣйствій и понятій прежде всего міръ. У Арійца преимуществуетъ міросознаніе; у Семита — богосознаніе. Удивительныя явленія природы того возбуждаютъ къ изслѣдованію ихъ, а въ этомъ пробуждаютъ благоговѣніе предъ Творцемъ ихъ; красота міра влечетъ Арійца наслаждаться ею, а Семиту она напоминаетъ о величіи Божіемъ и возбуждаетъ желаніе созерцать его и наслаждаться имъ. У Семита чѣмъ слабѣе міросозерцаніе, тѣмъ живѣе и энергичнѣе богосознаніе: напротивъ, Аріецъ, вслѣдствіе преобладанія міросознанія предъ богосознаніемъ, постоянно находится въ опасности смѣнять тварь съ Творцемъ. Арійцы чувствуютъ свое сродство съ міромъ не только въ наукѣ и искусствѣ, но даже и въ религіи: ихъ религіи суть религіи натуралистическія. Семитъ, напротивъ, живо чувствуетъ свою возвышенность надъ міромъ и сходство съ Богомъ. Такъ какъ Семитъ возвышается надъ міромъ видимымъ, то онъ есть человѣкъ вѣры, которая относится къ невидимому. Семитъ не сомнѣвается въ бытіи Божества и увѣренъ въ немъ, какъ въ своемъ собственномъ бытіи. Онъ считаетъ за позоръ ничего не знать о Богѣ и о вещахъ Божественныхъ. По его представленію только глупые люди могутъ отвергать бытіе Божіе, или сомнѣваться въ немъ, или доказывать его. У Арійцевъ, напротивъ, доказываютъ бытіе Божіе, или сомнѣваются въ немъ самые

мудрые—философы. Мѣсто свойственныхъ Аріѣцамъ научнаго знанія и эстетическаго созерцанія у Семитовъ заступаетъ пророчество, которое, насколько оно обращено къ Богу и вообще къ міру невидимому, отличается не только отъ дискурсивнаго, но и отъ обыкновеннаго интуитивнаго познанія, имѣющаго своимъ предметомъ видимый міръ. И дискурсивное и обыкновенное интуитивное познаніе относятся къ интеллектуальной области, пророчество же къ нравственной. Между тѣмъ какъ Аріѣцы съ своимъ познаніемъ и искусствомъ живутъ въ мірѣ безъ Бога, пророчество есть знаніе и жизнь въ Богѣ, въ общеніи съ Нимъ. Такъ какъ Семиты преимущественно и прежде всего обращены къ премірному, безконечному Богу, а Безконечный можетъ быть только одинъ, то по этому весь характеръ Семитовъ запечатлѣнъ единствомъ, однообразіемъ. Правда и Аріецъ въ конечномъ ищетъ Безконечнаго, но онъ хочетъ обнять Его умомъ, знаніемъ, для Аріѣскихъ философовъ Богъ представляется идеей, абстракціей, а не живымъ, личнымъ существомъ; мѣсто нравственныхъ факторовъ въ религіи у Аріѣцевъ заступаютъ интеллектуальные (умъ, познаніе, философія) и эстетическіе (фантазія, искусство). Семиты, напротивъ, стремятся обнять Бога чувствомъ, любовью; отношеніе его къ Богу нравственное, а не интеллектуальное; для Семита Богъ прежде всего святъ, и потому отношеніе его къ Богу свято, религія его чиста, нравственна, свята. Такъ какъ коренное отношеніе человѣка къ Богу есть отношеніе вѣры, любви, преданности, а не познанія, то Богъ и открылся тѣмъ, которые вѣровали въ Него, любили Его, отдались Ему сердцемъ, т. е. Семитамъ. Но онъ оставался скрытъ отъ тѣхъ, которые старались только познать Его, т. е. отъ Аріѣцевъ, къ которымъ особенно идутъ слова апостола Павла, что они оставались въ мірѣ

безъ Бога, что они были *ἄθεοι ἐν τῷ κόσμῳ*. (Ефес. 2, 12). Если бы Греки были въ десять разъ геніальнѣе, то можетъ быть вмѣсто одного у нихъ было бы десять Фидіевъ, десять Гомеровъ, десять Эсхиловъ, Аристотелей и Платоновъ; но сами собой они все таки не дошли бы до монотеизма. Они доходили бы до познанія о Богѣ, какъ объ абсолютной идеѣ, о единой, первой причинѣ всего; но ихъ Богъ не былъ бы личнымъ я, любовью, правдой, святостію. Вообще они доходили бы до пантеизма, но не до монотеизма. Истинная религія первоначально находится у Семитовъ, а не у Арійцевъ; потому что она есть даръ Божій, а не произведеніе самого человѣка. Такъ какъ самое существенное свойство этого дара есть его святость и потомъ уже истинность, то онъ сообщается не знающимъ, а нравственно чистымъ. Такъ какъ, далѣе, истинная религія есть даръ Божій, то, по самому свойству дара, она дается не тѣмъ, которые способны сами, своими силами достигнуть до нея, а тѣмъ, которые способны принять ее сердцемъ, съ любовію и вѣрою. Она дана бѣднымъ духомъ потому, что они желаютъ ея. Всѣми этими свойствами, необходимыми для полученія Божественнаго дара, отличаются Семиты.

Иудейскій народъ представляется въ Ветхомъ Завѣтѣ женой Бога; и дѣйствительно, его, какъ и всѣ Семитическіе народы, можно назвать женственнымъ, воспримчивымъ. Напротивъ, Арійцы по ихъ активной и творческой природѣ отличаются характеромъ мужскимъ. Какъ женщина создана не для науки, искусства и государственной жизни, такъ этого не должно требовать и отъ Семитовъ; но за то какъ женщина живетъ для мужа и отдается ему до самопожертвованія, такъ Семитъ вполне предается Богу, и его назначеніе заключается въ религіи. Монотеизмъ — основ-

ная черта и женщины и Семита. Женщина меньше склонна къ полигаміи, нежели мужчина. Мужъ, кромѣ жены, имѣетъ другія задачи жизни и другія радости, а истинная жена живетъ только для мужа. Какъ у женщины, такъ и у Семита нѣтъ способности къ абстракціи и философіи: они люди сердца и любви. У Семитовъ всего яснѣе выражается это въ ихъ языкѣ, — языкѣ не абстрактнаго знанія и ума, а конкретного чувства и сердца. Множество гортанныхъ буквъ между прочимъ указываетъ на силу и стремительность вырывающагося изъ самой глубины груди чувства ¹⁾ Какъ у женщины съ неспособностію къ абстракціи соединяется субъективизмъ, вслѣдствіе котораго она смотритъ на міръ не *an sich*, а по отношенію къ себѣ или по отношенію къ любимому человѣку: такъ и Семитъ разсматриваетъ міръ только по отношенію къ самому себѣ или къ Богу. Во всемъ, въ началахъ и конечныхъ цѣляхъ міра, онъ видитъ только выраженіе мыслей Божіихъ. Семитъ не склоненъ къ войнѣ, но въ мести, въ аффектѣ чрезвычайно храбръ и за религію готовъ перенести все; таковаже и женщина. Какъ у женщинъ, такъ и у Семитовъ въ устройствѣ черепа и чертахъ лица меньше разнообразія, нежели у мужчинъ и Арійцевъ.

Такую параллель между мужчиной и Арійцемъ, женщиной и Семитомъ Грау проводитъ для того, чтобы нагляднѣе представить различное отношеніе Семитовъ и Арійцевъ къ Богу и міру и разрѣшить вопросъ, почему истинная религія происходитъ отъ Семитовъ. Приведемъ точныя слова его: „если мы представимъ. говоритъ Грау, семитическую и арійскую группы народовъ въ видѣ двухъ дѣвъ, изъ которыхъ Богъ дол-

¹⁾ Какъ со многими другими, такъ и съ этимъ мнѣніемъ Грау мы не согласны: обиліе гортанныхъ звуковъ, кажется, свойственно вообще всѣмъ народамъ, живущимъ въ теплыхъ и жаркихъ странахъ.

женъ избрать одну для союза съ собою въ святой любви, то, конечно, арійская дѣва можетъ хвалиться многими преимуществами, которыхъ не имѣетъ семитическая дѣва. Она можетъ сослаться на украшенія и сокровища, которыя она приобрѣла чрезъ свое господство надъ міромъ, на богатство фантазіи, проявившееся во всѣхъ искусствахъ, на мудрость и глубокія познанія во всѣхъ вещахъ міра. Какъ мужественная дѣва, она можетъ даже, въ сознаніи своей силы, найти довольство и цѣль жизни въ самой себѣ. Ничего этого нѣтъ у другой дѣвы. Она стоитъ предъ той, какъ нищая, бѣдная и неукрашенная предъ королевой. Но она имѣетъ одно, чего недостаетъ той,— это сердце, полное неизгладимаго стремленія къ Богу и Спасителю ея души, къ Создателю ея жизни,— сердце, полное неизчерпаемой любви, которая не спрашиваетъ ни о небѣ, ни о землѣ, если только она обладаетъ Богомъ, и которая допускаетъ погубить тѣло и душу, лишь бы духъ имѣлъ часть съ Нимъ. Одно имѣетъ некрасивая дѣва—это смиренную вѣру, въ силу которой она сама по себѣ желаетъ быть ничто, но все имѣетъ только въ другомъ, при которой она не находитъ никакого удовлетворенія въ мірѣ и потому прилѣпляется единственно къ Богу, ни мало не сомнѣвается въ Богѣ, но совершенно на Него полагается. Живое предносится намъ, говорить Грау, образъ такой дѣвы въ Божіей Матери, которая ничего не имѣетъ, кромѣ смиренной вѣры чистой и цѣломудренной души, когда она говоритъ ангелу—благовѣстнику: *„се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему. (Лук. 1, 38) ¹⁾“*

Результатомъ такого различія между характерами

¹⁾ Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zu Religion und Wissenschaft. s. 126—1.

Семитовъ и Іафетитовъ, по мысли Грау, нужно признать различіе въ истинности, долговѣчности и вообще важности религій той и другой расы. Кромѣ одной части Индійцевъ всѣ извѣстные арійскіе народы приняли семитическія религіи — христіанство и исламъ. Собственныя религіи Арійцевъ оказались не состоятельными. Греческая и римская религія не пережили Рима и Греціи, хотя эти государства существовали не очень-то долго. Часть Индійцевъ, не принявшая ислама и придерживающаяся своей собственной религіи, всего болѣе показываетъ ничтожность религій, возникшихъ въ лонѣ Іафетитской расы: въ буддизмѣ индійская религія дошла до атеизма, т. е. до самоуничтоженія, а въ браманизмѣ она изъ политеизма перешла въ пантеизмъ. Про всѣ вообще самородныя іафетитскія религіи можно сказать, что развивающаяся цивилизація и особенно философія поглощали ихъ. Напротивъ, семитическія религіи — іудейство, исламъ и особенно христіанство живутъ до сихъ поръ и ихъ вполне можно назвать религіями міровыми.

Обрисовавши характеры Семитовъ и Іафетитовъ и отношеніе характеровъ къ религіи тѣхъ и другихъ, Грау старается исторически прослѣдить развитіе ея у нихъ, поставляя это развитіе въ связь съ ихъ характерами. Посмотримъ сначала, какъ Грау разсуждаетъ о развитіи религіи у Семитовъ, а потомъ у Іафетитовъ.

Соглашаясь съ М. Мюллеромъ въ томъ, что религіей въ семьѣ Ноя былъ энотеизмъ, Грау въ тоже время добавляетъ, что если остаться при этомъ абстрактномъ пониманіи религіи, то нельзя будетъ объяснить, какимъ образомъ изъ одного и того-же энотеизма произошли столь противоположныя религіи, какъ монотеизмъ и политеизмъ. По его мнѣнію, М. Мюллеръ необъясняетъ различія энотеизма Іафетитовъ, изъ котораго произошелъ политеизмъ, отъ пер-

воначальной семитической религии, из которой образовался монотеизмъ Авраама чрезъ посредство даннаго ему Божественнаго откровенія. Между тѣмъ призваніе Авраама совершилось не безъ отношенія къ первоначальной семитической религии, которая заключала въ себѣ истину и была не похожа на іафетитскую и хамитическую религію. Въ общемъ у всѣхъ трехъ расъ энотеизмъ религія Семитовъ очень много отличалась отъ религіи Хамитовъ и Іафетитовъ. Отличіе это, по мнѣнію Грау, состояло въ томъ, что Семиты удержали понятіе о премірности и святости Бога, которое, какъ основное понятіе Ветхаго Заваѣта, было свойственно первоначальной семитической религіи, хотя и не въ такой развитой формѣ, въ какой оно является въ позднѣйшемъ монотеизмѣ. По взгляду Семитовъ жизнь всемогущаго и вѣчнаго Бога отдѣльна отъ жизни міра, а отнюдь не смѣшивается съ нею. Впрочемъ этимъ не исключается промыслительное отношеніе Бога къ міру и человѣку, которому Богъ открывается въ словѣ. Тѣ, которые удержали такое понятіе о Богѣ, сознавали, что они находятся въ жизненномъ общеніи съ Богомъ чрезъ исполненіе Его заповѣдей и молитву. Такъ какъ Ной, благословляя Сима, называетъ Бога его Іеговой, т. е. Богомъ домостроительства спасенія человѣковъ, Который долженъ былъ нѣкогда избрать изъ сѣмени Симова Израиля: то нужно думать, что у Семитовъ съ самаго начала было и оставалось преданіе о Божественномъ откровеніи, отличномъ отъ естественнаго откровенія. Такъ какъ Іегова есть Богъ только Сима, то нельзя думать вмѣстѣ съ М. Мюллеромъ и Рѳнтшемъ, что Авраамъ былъ избранъ вообще изъ всего языческаго міра, а не изъ однихъ Семитовъ, иначе Іегова назывался бы Богомъ Израиля, а не Сима.

Какъ содержаніе сверхъестественнаго откровенія не измышлено человѣкомъ, а объективно сообщено Божествомъ, такъ это же должно сказать и о Божественномъ имени. Въ отличіе отъ остальныхъ людей Семиты сознавали, что они не сами изобрѣли или создали имя Божіе, но получили его отъ Бога. Отъ этой-то объективной силы, означенной въ этомъ имени они считали себя зависимыми и опредѣляемыми въ вѣрѣ и дѣятельности; поэтому-то они назывались „сынами имени,“ т. е. такими людьми, жизнь которыхъ опредѣлена откровеніемъ премірнаго Бога.

Но разъ отдѣлившись отъ Хамитовъ и Іафетитовъ въ религіозномъ отношеніи и побѣдивши искушеніе, которое представлялъ натурализмъ, особенно хамитическій, Семиты еще не создали своего характера, а только положили начало его образованія. Характеръ именно образуется чрезъ побѣды надъ искушеніями. Онъ не есть естественная необходимость, а опредѣляется нравственными рѣшеніями. Его нельзя представлять готовымъ, законченнымъ сразу и потому неизмѣннымъ, какъ инстинктъ; скорѣе онъ есть нѣчто измѣняющееся, онъ можетъ быть сломенъ при новыхъ искушеніяхъ. Этимъ объясняется то, что очень многія семитическія племена позже подчинились хамитической культурѣ и потеряли свой характеръ.— Даже избранный Богомъ народъ Израильскій получилъ твердость и устойчивость своего народнаго характера только съ вавилонскаго плѣна, хотя основы этого характера образовались отъ временъ Сима. Тому, что Семиты сохранили въ своемъ религіозно-нравственномъ характерѣ чистаго, отдѣлившись отъ Хамитовъ съ самаго начала, грозила постоянная опасность отъ соприкосновенія съ этими послѣдними въ позднѣйшее время. Дѣйствительно Израильтяне не разъ забывали истиннаго Бога подъ вліяніемъ Хана-

неянъ. Когда опасность отъ языческаго вліянія была велика, тогда Богъ для сохраненія истинной вѣры воздвигалъ пророковъ. Для этой же цѣли былъ призванъ въ болѣе раннее время и Авраамъ, и на него нужно смотрѣть какъ на всѣхъ вообще пророковъ. Сначала Семиты, отдѣлившись отъ Хамитовъ и Іафетитовъ, всѣ вѣровали въ истиннаго Бога; но по мѣрѣ того какъ они размножались, они далеко не всѣ оставались поклонниками истиннаго Бога. Правда, кромѣ племени Фары, оно сохранялось еще въ племени Мельхиседека (если священное писаніе называетъ его царемъ, то предполагается, что онъ былъ родоначальникомъ племени), однако можно сказать, что древне-семитическая религія, безъ особенной Божественной помощи, не устояла бы въ борьбѣ противъ соблазновъ со всѣхъ сторонъ облежавшаго ее язычества, особенно хамитическаго. И это нужно сказать о времени не Авраама только, но и Моисея и Іили. Религія Сима связана съ непрерывнымъ откровеніемъ Божиимъ, которое совершается чрезъ пророковъ, избираемыхъ не изъ Хамитовъ и не изъ Іафетитовъ, а изъ Семитовъ. Вся священная исторія состоитъ изъ ряда связанныхъ между собою избраній. Такъ, изъ потомковъ Авраама избраны Сноиты, изъ нихъ Ной, изъ потомковъ Ноя Семиты, изъ Семитовъ Авраамъ, изъ Авраамитовъ Исаакъ, изъ двухъ сыновей Исаака Израиль, изъ потомковъ Израиля два колѣна Іудино и Веніаминово, между тѣмъ какъ остальные десять колѣнъ впали въ язычество, подобно многимъ другимъ семитическимъ народамъ. Только уже послѣплѣнный народъ іудейскій обнаруживаетъ характеръ, который неизмѣнялся потомъ въ существенныхъ чертахъ, несмотря на то, что Іудеи со времени Іисуса Христа были отринуты Богомъ и вскорѣ были разсѣяны по разнымъ странамъ міра. Это дол-

гое развитіе, эти многократныя избранія Божіи показываютъ, что Богъ не дѣлаетъ насилія человѣческой природѣ своимъ путеводительствомъ, не препятствуетъ народному характеру развиваться естественнымъ образомъ; иначе не потребовалось бы столь продолжительное время для того, чтобы Еврейскій народъ сдѣлать способнымъ выполнить то великое назначеніе, для котораго онъ былъ избранъ въ народъ Божій.

Впрочемъ отдѣленіе семитическихъ племенъ отъ народа, который Богъ велъ къ особому назначенію, не всегда соединялось съ уничтоженіемъ сообщенныхъ имъ нѣкогда особенныхъ Божественныхъ средствъ, не совсѣмъ искореняло воспитанный народный характеръ. Богъ, предоставляя народамъ идти своими путями, не отнимаетъ сообщенныхъ имъ даровъ; этими дарами они пользуются различно: одни тотъ-часъ же утрачиваютъ ихъ, другіе пользуются ими очень долго. Эти послѣдніе народы можно сравнить съ блуднымъ сыномъ, который хотя не имѣетъ отцовскаго благословенія и не можетъ пользоваться дарами отца вѣчно, но полученное уже наслѣдство можетъ сохранять болѣе или менѣе продолжительное время. Нѣкоторыя семитическія племена отъ смѣшенія съ хамитами теряли свой религіозно-нравственный и вообще расовый характеръ; но этого нельзя сказать о многочисленныхъ семитическихъ племенахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Арабовъ, которые произошли частью отъ ближайшихъ потомковъ Сима, частью отъ Авраама. Вѣроятно, древне-семитическіе Арабы сохраняли первоначальную чистую семитическую религію, почему къ нимъ и переселились Измаильскіе Арабы, которые своимъ Авраамовскимъ монотеизмомъ поддерживали истинныя понятія о Богѣ тѣхъ Арабовъ; чрезъ это древне-семити-

ческое наслѣдіе умножилось новымъ даромъ, или, лучше сказать, семитическій монотеизмъ получилъ новыя силы. Поэтому-то хотя хамитическое языческое вліяніе, шедшее изъ Южной Аравіи, Вавилона и Египта, и измѣнило въ частностяхъ семитическій характеръ Арабовъ, но, вообще говоря, арабизмъ остался побѣдителемъ надъ хамитизмомъ. Родство Арабовъ съ Авраамомъ и Израилемъ подтверждается именами Божиими. Арабское Имя Бога Allah, какъ и еврейское Elohim, кажется, происходитъ отъ еврейскаго Eloah. Поэтому можно сказать, что Арабы получили откровеніе Бога—Elohim и сохранили его, хотя не въ совершенной чистотѣ, но по крайней мѣрѣ въ болѣе важныхъ чертахъ; а народъ Израильскій въ дополненіе къ откровенію Бога, какъ Elohim, т. е. къ откровенію, которое сначала получили всѣ потомки Ноя, получилъ откровеніе Бога Іеговы (Jehovah), т. е. откровеніе особенное, которымъ онъ одинъ только и пользовался.

Что касается до спорнаго въ наукѣ вопроса о томъ, былъ ли у Арабовъ до Мохаммеда политеизмъ или монотеизмъ, то Грау высказывается за послѣдній. Классическому по этому вопросу замѣчанію Геродота, что Арабы имѣютъ два Божества: Оротала, соотвѣтствующаго греческому Діонису и Алилату, соотвѣтствующую богинѣ Ураніи, Грау не придаетъ большаго значенія; потому что, говоритъ онъ, оно, если даже и признать его вѣрнымъ, относилось, вѣроятно, только къ Арабамъ, жившимъ при берегахъ Средиземнаго моря, которыхъ только и посѣтилъ Геродотъ и которые подчинились хамитическому вліянію.—Кромѣ того Грау дѣлаетъ другое предположеніе, именно, что Геродотъ непонялъ культа Арабовъ, подобно тому какъ другіе языческіе писатели по ошибкѣ богослуженіе въ Іерусалимскомъ храмѣ

считали культомъ осла. Можетъ быть слово Алилата, какъ имя женскаго рода, означало отвлеченное понятіе Божества, каковое понятіе у Евреевъ выражалось формой множественнаго числа (Элогимъ). Ороталь же или Уроталь, по объясненію Моверса, значить огонь Божій, а по мнѣнію Крея, это имя должно читать: Нуроталь, что значить Нуръ-Аллахъ, т. е. свѣтъ Божій. Геродотъ, слыша эти имена могъ не понять ихъ значенія и подумалъ, что одно изъ нихъ—Ороталь означало Бога, а другое Алилата, какъ имя женскаго рода, было именемъ богини.

О почитаніи же Арабами камней, идоловъ, звѣздъ и другихъ предметовъ, которое породило у нихъ множество мѣстныхъ культовъ, Грау думаетъ, что оно имѣло у Арабовъ такое же значеніе, какое у православныхъ и католиковъ имѣетъ почитаніе святыхъ и изображеній ихъ; т. е. Арабы считали священные предметы посредниками между ними и Богомъ и чрезъ почитаніе ихъ они предполагали лучше угодить Богу.

Грау приводитъ и положительныя доказательства въ пользу того, что большинство Арабовъ до Мохаммеда были монотеистами. Онъ ссылается на свидѣтельства арабскихъ историковъ о томъ, что большая часть арабовъ до Мохаммеда были монотеистами и что отпаденіе отъ религіи Авраама приписывалось вліянію демона. Арабскій писатель Шахри-Стани говоритъ, что Арабы до-исламовскаго періода распадались въ религіи на нѣсколько классовъ: одни отрицали Творца, воскресеніе и возвращеніе человѣка къ Богу, приписывая происхожденіе жизни самой природѣ и смерть дѣйствию времени; другіе хотя вѣровали въ Творца, но отрицали воскресеніе и возвращеніе человѣка къ Богу; иные вѣровали въ переселеніе душъ; но большая часть вѣровала въ единаго Творца и въ возвращеніе человѣка къ Богу, принося при этомъ жертвы и совер-

шая религіозныя церемоніи въ честь идоловъ, какъ посредниковъ между людьми и Богомъ. Извращенія религіи, имѣвшія мѣсто у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, Грау приписываетъ вліянію Хамитовъ.

Новое доказательство существованія у Арабовъ монотеизма до Мохаммеда Грау находитъ въ томъ, что проповѣдь Мохаммеда о единомъ Богѣ, Богѣ Авраама, была бы не мыслима, если бы Арабы были политеистами и если бы они давно забыли о сродствѣ своей религіи съ религіей Авраама. точно такъ же какъ не мыслима была бы проповѣдь пророка Иліи объ Іеговѣ, если бы не было напередъ откровенія при Синаѣ. Возникновеніе ислама указываетъ на то, что Арабы, не смотря на развращающее вліяніе язычества, довольно твердо держались древняго преданія о единомъ Богѣ.

Сохранивши въ большей или меньшей чистотѣ семитическую религію, Арабы сохранили также въ противоположность другимъ Семитамъ, совершенно подчинившимся вліянію Хамитовъ, и свой племенной типъ и характеръ. Въ исламѣ они получили новыя силы и однимъ ударомъ завоевали всѣ области, въ которыхъ нѣкогда семитизмъ не устоялъ противъ хамитизма. Въ заключеніе Грау говоритъ, что арабскій монотеизмъ, принявшій форму ислама, будетъ еще долго силенъ въ мірѣ, потому что исторія Арабовъ утверждается на благословеніи Сима и Авраама.

Обращаемся къ изложенію мнѣнія Грау о религіи Іафетитовъ. Вотъ сущность этого мнѣнія. Хотя религія всѣхъ язычниковъ есть натурализмъ, обоготвореніе природы, но въ ней есть глубокія различія. Іафетиты отдѣлились отъ Хамитовъ и не приняли ихъ культуры не изъ за одной только любви къ свободѣ и независимости, которая такъ имъ свойственна, но и по голосу совѣсти, который удержалъ ихъ отъ

безнравственности, составляющей отличительную черту хамитических религій. Характеристическими свойствами Іафетитовъ нужно признать ихъ чувство стыдливости и цѣломудрія. Хотя эти добродѣтели сохранились во всей чистотѣ только у Германцевъ и древнихъ Римлянъ, но уже то, что онѣ были у этихъ двухъ народовъ, доказываетъ, что первоначально они составляли общее наслѣдіе всѣхъ Іафетитовъ. Греки и Кельты потеряли ихъ, вѣроятно, чрезъ вліяніе Хамитовъ, а позднѣйшіе Римляне чрезъ подражаніе Грекамъ и Кельтамъ. Представленіе о Божествѣ у Іафетитовъ было возвышеннѣе, нежели у Хамитовъ. Они представляли себѣ Божество въ чистомъ голубомъ небѣ, въ свѣтилахъ его, въ грозѣ, въ бурѣ, ломающей деревья, въ тихомъ вѣяніи вѣтерка, производящемъ таинственный шелестъ листьевъ. Съ представленіемъ о чистомъ свѣтломъ небѣ, какъ о Божествѣ, связывалось понятіе о томъ, что Божество возвышается надъ животною и человѣческою жизнію и вообще надъ всѣмъ земнымъ.

Прежде развитія міеологіи, зародыши которой находились уже у первоначальнаго Іафетитскаго народа до раздѣленія его на племена, Іафетиты знали только одно всеобъемлющее Божество. Это Djaus, Jupiter, Zeus, это небо—отецъ. Объ этомъ первоначальномъ Божествѣ Іафетиты имѣли слишкомъ возвышенное представленіе, чтобы они могли приписать ему жену, дѣтей или что нибудь подобное. Хотя мы нигдѣ въ преданіяхъ іафетитскихъ народовъ не находимъ прямо такого представленія о Божествѣ въ чистомъ видѣ, и Божество является въ нихъ существомъ ограниченнымъ и понятіе о Немъ—затемненнымъ міеологическими баснями, но даже въ самой міеологіи можно найти указанія на то, что упомянутое чистое представленіе о Богѣ первоначально существовало.

О Зевсѣ древнѣйшихъ временъ у Грековъ было представленіе, какъ о первоначальномъ, всеобъемлющемъ и высочайшемъ Божествѣ, какъ объ отцѣ боговъ и людей, какъ о великомъ существѣ, которое было, есть и будетъ. Частныя черты такого представленія о Богѣ, которое сначала было общее всѣмъ Іафетитамъ, долго удерживались и послѣ, у поэтовъ, и къ нимъ примкнуло потомъ развившееся философское ученіе съ монотеистическимъ характеромъ. У Эсхила, напр., говорится о Зевсѣ, что Зевсъ есть земля, воздухъ, небо, онъ есть все то, что есть и надъ всѣмъ возвышается. Такимъ образомъ первоначальной религіей Іафетитовъ, какъ и Семитовъ, былъ энотеизмъ.

Но чѣмъ же отличались первоначальныя религіи Іафетитовъ отъ религіи Семитовъ? Тѣмъ, отвѣчаетъ Грау, что Божество Іафетитамъ не представлялось такъ отрѣшенно отъ міра, какъ Семитамъ, они не удовольствовались, какъ послѣдніе, невидимымъ Богомъ и Его святымъ именемъ. У нихъ Богъ и природа начинаютъ сливаться въ энотеизмъ: уже здѣсь утрачивается представленіе о святости и преміанности Бога, хотя еще долго удерживается воспоминаніе о Его единствѣ. Іафетиты были язычниками и тогда, когда почитали единого Djaus, потому что это было небо, природа, и такъ какъ природа разнообразна, то отъ энотеизма до политеизма оставался только одинъ шагъ. Оставивши преміаннаго святаго Бога Семитовъ, Іафетиты обратились къ міру. Они хотѣли созерцать Бога въ природѣ и особенно въ небѣ и дали Ему имена природы, а это въ періодъ міеологическаго развитія значило обоготворить природу. Обоготвореніе же природы на низшихъ ступеняхъ развитія челоѣка производитъ міеологию и политеизмъ.

Хотя Іафетиты обратили свое религіозное созерца-

ніе на ту сторону природы, которая возбуждаетъ въ чловѣкѣ чувство благоговѣнія къ высочайшему Существу; но они слишкомъ живо чувствовали разнообразіе природы и къ ней самой обращали свое чувство благоговѣнія. Небо въ своемъ блаженномъ покоѣ, съ которымъ оно, кажется, ниспускается на суетливую землю; солнце, это возвышенное существо, представляющееся всевидящимъ глазомъ-Геліосомъ; гроза съ ея ужасами и благотворными дѣйствіями; буря съ ея непреоборимой силой; тихая, таинственная, исполненная нѣги, лунная ночь и проч.,—все это поражало Іафетитовъ. Сначала они во всѣхъ этихъ возвышенныхъ явленіяхъ природы видѣли только проявленія единого всеобъемлющаго Бога. Призывали ли они Варуну, или Агни, или Зевса, они молились единому Богу. Но скоро чувство разнообразія должно было подавить представленіе о единомъ Богѣ. Они скоро стали замѣчать взаимное противодѣйствіе и борьбу въ явленіяхъ природы, предъ которыми они благоговѣли. Напр. гроза не должна ли была представляться имъ соперникомъ яснаго голубаго неба? Не носить ли она въ себѣ самаго возвышеннаго и живаго образа борьбы? Борющіяся силы и явленія въ живомъ воображеніи Іафетитовъ стали являться, какъ различные боги. — Съ другой стороны представленіе о причинѣ и слѣдствіи, которое возникало при взглядѣ на послѣдовательность явленій природы, должно было напомнить Іафетитамъ объ отношеніи отца и сына, рождающаго и рождаемаго. Они замѣчали, что ясная погода рождаетъ грозу, и вотъ въ Ведахъ богъ грозы—Индра, является сыномъ Djaus'a. Съ понятіемъ о рожденіи неразрывно понятіе о бракѣ, союзѣ двухъ существъ. Сначала это понятіе переносится на боговъ образно и сохраняетъ поэтическую цѣломудренность и чистоту образа, — такъ по мифологическому

представленію Арійцевъ дождающее небо обнимаетъ землю, а земля хочетъ съ нимъ соединиться, зачинаетъ и рождаетъ траву и плоды,—но потомъ образы становятся все болѣе и болѣе реальными и теряютъ въ значительной степени прежнюю возвышенность и чистоту. Зевсъ дѣлается героемъ любовныхъ исторій. Это замѣтно уже въ Додоновскомъ культѣ Зевса, т. е. въ очень раннее время. Такому раннему упадку чистоты религіозныхъ представлений Грековъ много способствовало вліяніе на Грековъ Финикіянъ и Египтянъ.

Впрочемъ Іафетиты, при обоготвореніи природы, не всегда остаются политеистами. Достижни ступени философскаго развитія, они путемъ рефлексіи доходятъ до понятія о единомъ Богѣ. Но это понятіе, какъ и первоначальное представленіе ихъ о единствѣ Божества, есть чисто языческое, совершенно отличное отъ понятія о единомъ Богѣ Семитовъ. Въ этомъ іафетическомъ понятіи о Божествѣ послѣднее совпадаетъ съ природой, рассматриваемой какъ одно цѣлое. Хотя это понятіе о Богѣ и освобождено отъ мифологической оболочки, однако оно есть только пантеизмъ, который въ сущности точно такъ-же исключаетъ понятіе о святости Божества, какъ и языческій политеизмъ.

А. Бьялевъ.
